

Гарри почувствовал укол... чего-то, он не мог сказать чего, эмоции ускользали от него, но он чувствовал что-то сильное к девушке перед ним. Что-то, чего он никогда не испытывал ни к кому другому, даже к Лизе. Через что она должна пройти, чтобы быть такой? Сколько она вытерпела, что ее тщательно сделанную маску так легко разбить? Что за ужасные тайны у нее были, что заставило ее создать эту маску?

Он поднял руку, схватил дрожащую ладонь Дафны и толкнул ее вниз. С этим девушка, казалось, потеряла все силы. Ее колени подогнулись, а спина сползла по стене. Дафна больше не имела никакого сходства с ледяным слизеринцем, которого он так привык видеть. Теперь она просто выглядела как потерянная маленькая девочка, у которой больше не было сил продолжать.

- Зачем ты это делаешь? - спросила Дафна срывающимся голосом. Слез не было, но, похоже, скоро они появятся, - чего ты хочешь?

Гарри опустил на колени, чтобы посмотреть девушке в глаза. На этот раз не было никакой необходимости притворяться, что она смотрит на него с теплотой. Это пришло к нему само собой, хотя Гарри и не осознавал этого.

- Оказываю помощь.

Дафна долго смотрела на него, слегка приоткрыв рот и широко раскрыв глаза. Секунды, которые казались часами, прошли, пока она изучала его так, как никогда раньше. Гарри не смел отвести от нее глаз ни на секунду. Он не сводил с нее глаз, его убийственные зеленые радужки были прикованы к ее ледяным голубым глазам, позволяя ей искать то, что она надеялась увидеть.

- Ты ведь не оставишь меня в покое, пока я не скажу? - спросила она покорно.

- Наверное, нет, - согласился Гарри.

Дафна тихо вздохнула и замолчала. Гарри позволил тишине затянуться. Он не мог заставить ее что-либо сказать. Это должно было исходить от нее по ее личной инициативе.

- Долгое время моя семья была очень счастливой, - начала Дафна, - моя мама была невероятно доброй, милой и нежной, она всегда укладывала меня и рассказывала мне сказку, прежде чем я ложилась спать, и оставляла меня с поцелуем на ночь. И мой отец всегда баловал меня, когда у него была возможность, брал меня с собой, покупал мне подарки и вытаскивал меня из неприятностей с мамой, когда меня ловили на чем-то, чего я не должна была делать. Даже когда появилась моя сестра, они все равно находили для меня время.

Гарри молчал. Он почти мог представить себе сцену, которую она нарисовала для него. Мать, которая выглядела как взрослая версия девочки перед ним, красивая и добрая, отец, который был милым и озорным, вел себя строго перед своей женой, когда она рассказывала ему, что делала их маленькая девочка, а затем показывал девочке большие пальцы за спиной жены. И младшая сестра, вероятно, тоже похожая на мать, которая вела себя с ним так же, как Лиза. Это была прекрасная сцена, именно такой и должна быть семья.

- Мы были очень счастливы, все трое. Несмотря на то, что наша мать рожала только девочек, отцу было все равно, и он всегда хвастался нами перед компанией, которую часто принимал, и когда отправлялся на служение. По крайней мере, так мне всегда говорила мама.

Гарри нахмурился. Он знал, что чистокровные дома патриархальны по своей природе. Это была

старая, устаревшая традиция, которую чистокровная община изо всех сил старалась сохранить, даже когда остальной мир двигался вперед. Иметь дочь и не иметь сыновей было проблемой для любого дома. Судя по голосу, ее отец был хорошим человеком.

- Через несколько лет после рождения Астории, когда мне было пять лет, мама снова забеременела. Для волшебных семей это большая редкость. У большинства чистокровных есть только один или два ребенка из-за того, как тяжело рожать волшебного ребенка жене. Нет ничего необычного в том, что третий, а иногда и второй ребенок рождается сквибом из-за этого.

Гарри знал о низком уровне рождаемости магических детей среди волшебных семей. По словам Андромеды, среди чистокровных велись дебаты о том, что причиной является инбридинг. Естественно, большинство из этих дебатов были подавлены, прежде чем они смогли получить импульс, но время от времени они возникали.

С другой стороны, семья Уизли, казалось, была освобождена от этого правила.

Дафна улыбнулась мягкой улыбкой человека, вспоминающего лучшие времена.

- Но никого из нас это не волновало. Мы были так счастливы, что в нашей семье появиться еще один человек. Он ничего не говорил, но я знаю, что отец надеялся, что у него будет сын, кто-то, кто заменит его, когда он станет слишком старым, чтобы быть главой семьи. Меня это не волновало, я просто хотела, чтобы младший брат баловал и дразнил, как я свою сестру.

Гарри чуть не рассмеялся, но не стал этого делать, опасаясь, что Дафна потеряет самообладание.

- Я помню ту ночь, когда у мамы отошли воды, - тихо сказала она, - мы ужинали, когда у нее начались схватки. Я была слишком мала, чтобы помнить, когда родилась Астория, но я помнила это время, - она поморщилась, - они выглядели болезненными. Маме было больно, и я ничем не могла ей помочь. Отец отвез ее в Сент-Мунгос, а мне пришлось остаться дома и присматривать за Асторией вместе с нашим домашним эльфом.

Она судорожно вздохнула, и Гарри понял, что они подошли к самой трудной части ее истории. Он подумал о том, чтобы взять ее за руку, чтобы успокоить, но не думал, что она оценит это.

- Папа вернулся на следующее утро. - Дафна вздрогнула, и это было не от холода, - он посмотрел... он выглядел таким мертвым. Как будто из него высосали всю жизнь. Помню, я спросила, что случилось и где мама, и он велел мне идти в свою комнату, - не голос дрогнул, - я никогда раньше не видела его таким холодным.

Дафна остановила свой рассказ. Несколько слезинок попытались вырваться из ее глаз. Но она упрямо не давала им упасть. Когда молчание затянулось, Гарри не был уверен, собирается ли она продолжать.

- Позже я узнала, что у мамы случился выкидыш, - сказала она наконец срывающимся голосом, - и напряжение от попыток родить еще одного волшебного ребенка убило ее.

Слезы, которые отказывались течь, теперь вырывались наружу. Дафна тщетно вытерла их. Гарри наколдовал маленький носовой платок и протянул ей. Она не поблагодарила его, но и не отвернулась.

- Это еще не все, не так ли? - судя по тому, что он видел до сих пор, чего-то подобного было бы

недостаточно, чтобы причинить Дафне боль, не навсегда, не достаточно, чтобы заставить ее создать ту холодную маску, которую он всегда видел на ней. Должно же быть что-то еще.

- Ты сам догадался об этом, не так ли? - тон, вероятно, должен был быть язвительным, но Дафна была слишком эмоциональна, чтобы сделать это. Она вздохнула.

- Ты прав, есть больше, чем это.

- Что случилось?

Дафна снова испытующе посмотрела на Гарри. Потом ее глаза закрылись, и она прислонилась головой к холодной каменной стене.

- В тот день я потеряла не только маму и будущего младшего брата, - сказала она усталым голосом, - я также потеряла отца. С этого дня отец стал холодным, бесчувственным, он больше не заботился ни обо мне, ни о моей сестре. Как будто часть его умерла в тот день с мамой, и все, что осталось - это этот холодный, озлобленный и обиженный человек.

- Он выместил свою неудачу на тебе? - спросил Гарри. Он знал, что бывают случаи, когда родители обвиняют своего ребенка в смерти супругов. Это было неправильно, но это случилось. И жестокое обращение с детьми не было таким уж редким явлением, как могло бы показаться большинству.

- Не в том смысле, как ты думаешь, и он не вымещал злости на моей сестре, - с горечью сказала она, - после смерти жены у него не было ни малейшего шанса обзавестись сыном. Конечно, он мог бы жениться на другой женщине, но не стал. И я не думаю, что какая-нибудь женщина захотела бы выйти замуж за того, кем он стал.

Она покачала головой, понимая, что уходит от темы.

- Это сделало меня наследницей дома Гринграсс. И вот он начал учить меня, в нежном возрасте пяти лет, как быть настоящей чистокровной женщиной.

Гарри заметил презрение, с которым она произнесла "чистокровка". Именно здесь, решил он, лежат ее самые горькие воспоминания.

- Он был суровым учителем. Почти зверски, - она помолчала, ее глаза потускнели, когда она вспомнила те явно ужасные времена, - он всегда ожидал совершенства во всем, что я делала. Если я что-то делала не так или неправильно, он заставлял меня писать... строки.

Гарри нахмурился, когда Дафна вздрогнула. Он не знал, что и думать, но у него было чувство, что в ее словах был скрытый смысл, когда она упомянула, что отец заставляет ее писать строки.

- Но я никогда не была достаточно хороша для него. Сколько бы я ни старалась, сколько бы ни работала, этого никогда не было достаточно, чтобы заслужить его похвалу или признание. Каждый раз, когда я делала что-то правильно, каждый раз, когда я совершенствовала то, чему он меня учил, это всегда было "если бы ты была мальчиком, в этом не было бы необходимости", или "если бы только у меня был сын", или даже "почему ты не могла родиться мужчиной". Ни один ребенок не должен быть способен на такой пораженный тон. Долгие годы я изо всех сил старалась заслужить его одобрение, его похвалу, но никогда не могла этого добиться, никогда не могла быть достаточно хороша для него, потому что я не мальчик.

Презрение в ее голосе смешалось с невыразимой грустью, и Гарри понял почему. Он не мог себе представить, каково это - иметь отца, который ненавидит его только из-за его пола. Хуже того, то, что этот отец был тем же самым человеком, который проявлял к ней любовь и доброту раньше, человеком, который не заботился о том, что она была женщиной, вероятно, делало это еще более душераздирающим.

Он понимал, почему она так похолодела к окружению. Почему она носила маску.

Взгляд Гарри смягчился, превратившись в выражение боли и сожаления.

- Мне очень жаль.

Глаза Дафны вспыхнули. Ее взгляд заострился, и внезапно она вскочила на ноги, заставив Гарри отпрыгнуть.

- Мне не нужна твоя жалость, Поттер! - прорычал она, - ни на секунду не думай, что я нуждаюсь в твоём сочувствии или жалости! Я уже семь лет без жалости с этим справляюсь, и теперь мне это точно не нужно! Особенно от тебя!

- Жалость? - Гарри повысил голос, и выражение его лица стало грозным, - это то, что ты думаешь? Думаешь, я тебя жалею? Если так, то ты дура!

- Как ты меня назвал? - прошипела Дафна, ее голос кипел от его дерзости.

- Ты слышала меня, - тон Гарри был холодным. - ты дура, если думаешь, что я буду тебя жалеть. Я не люблю получать жалость от других и, конечно же, никому другому не дам ее, особенно когда они не хотят и не нуждаются в ней.

- Если ты не жалеешь меня, то что же ты чувствуешь? Сочувствие? Милование? Филантропию?
- саркастически заметила Дафна

- А как насчет моего уважения?

<http://tl.rulate.ru/book/47019/1218501>